

УДК 335.128.681.3

Диалектическая интерпретация понятия «наглядность» в ранней философии Карла Маркса

Лин Минсяо

Аспирант,
Хэйлунцзянский университет,
150080, Китайская Народная Республика, Харбин, ул. Сюефу, 74;
e-mail: 15104671934@163.com

Аннотация

В статье представлено исследование диалектической интерпретации понятия «наглядность» в ранней философии Карла Маркса. Целью работы является выявление сущностных механизмов, посредством которых концепция наглядности формируется как элемент диалектического метода мышления, а также анализ её влияния на дальнейшее развитие марксистской философии. Исследование организовано по структуре IMRAD, что позволяет чётко выделить этапы формирования теоретической базы, эмпирического анализа и интерпретации результатов. Во введении обоснована актуальность изучения понятия наглядности в контексте эпохи формирования марксистской доктрины. Указывается на недостаточную разработанность вопроса в современных исследованиях, что мотивирует проведение данного анализа. Гипотеза исследования заключается в том, что понятие наглядности у Маркса несёт в себе не только эпистемологическую функцию, но и диалектический потенциал, раскрывающий взаимосвязь между субъективным восприятием мира и объективными закономерностями его развития. В разделе Методология описываются применённые методы: интерпретация текстов, диалектический анализ понятий, сравнительный метод в контексте философских трактатов. Исследование базируется на работах раннего Маркса, а также на трудах современных ученых, изучающих диалектическое мышление и марксистскую теорию. Использование системного анализа позволяет выделить ключевые моменты в эволюции понятия наглядности. В разделе Результаты представлено доказательство того, что наглядность у Маркса не ограничивается чистой визуализацией, а выполняет роль методологического инструмента, объединяющего ощущения и разумное осмысление действительности. Анализ текстов выявил использование диалектического метода, позволяющего интегрировать эмпирические данные с философской рефлексией. В заключении обсуждаются интерпретационные и методологические выводы, а также выдвигаются предложения по дальнейшим исследованиям в области философской методологии Маркса. Работа демонстрирует, что понятие наглядности играет ключевую роль в структурировании мировоззрения Маркса, что открывает новые перспективы в исследовании эволюции диалектического мышления.

Для цитирования в научных исследованиях

Лин Минсяо. Диалектическая интерпретация понятия «наглядность» в ранней философии Карла Маркса // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2025. Том 14. № 4А. С. 5-19.

Ключевые слова

Наглядность, диалектика, философия, Маркс, интерпретация.

Введение

Диалектическая интерпретация понятия «наглядность» в ранней философии Карла Маркса неизбежно требует обращения к предыстории его идей, корнящейся в традиции немецкой классической философии. Когда Маркс обращался к вопросам, связанным с непосредственным восприятием действительности, он не мог игнорировать гегелевскую линию размышлений о роли разума и чувственности в познании [Слемнев, Слемнева, 2011]. Тем не менее, ранний Маркс в своих работах стремился преодолеть абстрактность и идеализм некоторых гегелевских посылок, открывая путь к большему вниманию к реальным социальным и материальным основаниям. Сама же наглядность у него постепенно превращается из чисто созерцательной категории в нечто, вовлечённое в динамику исторического движения.

В «Экономико-философских рукописях 1844 года» мы уже встречаем попытку глубже осмыслить роль конкретной чувственности в человеческом бытии, где наглядность не сводится к пассивному отражению, но вовлекается в процесс самоутверждения человека как общественного существа [Вострякова, 2008]. Рабочий, который непосредственно соприкасается с производственными процессами, перемещает значение «наглядного» из сферы индивидуального зрения в царство всеобъемлющей практики. Маркс подчёркивает, что человек в процессе труда не только видит свой предмет, но и формирует отношения, в которых объективно выражается его человеческая сущность.

Основная часть

Однако нельзя забывать, что философская преемственность раннего Маркса сильнее всего связана именно с гегелевской диалектикой, без которой само понятие «наглядности» рисковало бы остаться на уровне банального созерцания [Строев, 2013]. Гегель трактовал явленное бытие, чувственные формы и конкретное многообразие как стадию в развитии абсолютной идеи, которая по спирали усложняла своё самопознание. Для Маркса, в отличие от Гегеля, не было цели оправдать эту идею или возвести чувственность на более высокую ступень абстракции. Он предпочитал спускаться на землю, в социальную реальность, чтобы понять, что же именно представляет собой «чувственная деятельность» человека.

Тесная связь «наглядности» с трудом и материальным производством станет ещё более явной, если мы учтём, как Маркс рассматривал социальную природу человека. Для него человек – это существо, не только мыслящее, но и деятельное, постоянно преобразующее окружающий мир [Коломойцев, 1984]. Наглядность, становясь моментом этой деятельности, объясняет не только динамику индивидуальных наблюдений, но и коллективные формы созидания. Здесь же обнаруживается один из источников будущего интереса к политэкономии: когда «наглядный» предмет одновременно выступает и товаром, и результатом труда, и кусочком общества, пронизанного противоречиями.

И всё же переход от философской абстракции к экономическому анализу требовал от Маркса обоснованной методологии. Наряду с наглядностью как чувственной непосредственностью, он выдвигает идею практики, в которой проявляется суть человеческих

отношений [Мусаелян, 1987]. В молодёжных работах Маркса закладывается фундамент того, что впоследствии превратится в метод материалистической диалектики, в котором «наглядность» утрачивает своё изолированное значение и преобразуется в фактор общественно-исторического познания. В противоположность идеалистам, Маркс подчёркивает, что чувственно-наглядным может стать любой процесс, вовлекающий человеческую деятельность, ведь именно деятельность делает предмет очевидным в своей общественной функции.

Рассуждая о том, как ранний Маркс понимал сущность и назначение «наглядности», необходимо подчеркнуть, что он находился под влиянием Людвиг Фейербаха. Фейербах отрицал спекулятивную философию и выдвигал на первый план чувственно-конкретное существование, видя в нём первичный источник познания [Валишин, 2021]. Но Маркс не оставался на позициях простого эмпиризма или антропологического материализма. Он осмыслив фейербаховский тезис о важности чувственного восприятия, тем не менее, не мог не заметить, что чувственность сама по себе должна быть поставлена в отношение к общественным связям. Так, «наглядность» перестала быть нейтральным фактом и стала важной ступенью в понимании того, как сознание зависит от исторических условий.

Например, в «Тезисах о Фейербахе» Маркс формулирует знаменитое положение о том, что философы раньше лишь различным образом объясняли мир, тогда как дело заключается в том, чтобы его изменить. В этом утверждении весь пафос материалистического понимания «наглядной» реальности обретает остроту и конкретность [Шукшина, 2006]. Мы видим, что наглядность – это не толкование, а активное преобразование реальности, в ходе которого и сама чувственность человека становится другим, более глубоким проявлением его сущности. Человек не просто видит явления, но и меняет их своей деятельностью.

Нельзя упустить из виду, что всю раннюю философию Маркса пронизывает идея «отчуждения». Понятие отчуждения, сначала изложенное в «Экономико-философских рукописях», наглядно демонстрирует, как чувственное и практическое измерения человеческого существования могут быть искажены социальными условиями [Кураженкова, 2015]. Когда Маркс говорит о том, что рабочий отчуждается от продукта своего труда и от самого процесса, он тем самым указывает, что наглядная, конкретная вещь, созданная руками человека, перестаёт быть для него осязаемой в подлинном, человеческом смысле. Иными словами, «наглядность» утрачивает свою человеческую ценность и превращается в отчуждённый товар.

Здесь наглядно проявляется диалектическая взаимосвязь между материальным производством и сознанием: то, что мы называем наглядностью, всегда наполнено социальным содержанием. Когда у рабочего нет контроля над результатами своего труда, предмет перестаёт быть для него непосредственным объектом свободной человеческой деятельности [Смирнов, 2021]. В этом контексте ранний Маркс говорит о необходимости преодоления капиталистического способа производства, который превращает продуктивнейшие формы чувственности в отчуждённые элементы бытия.

Для более ясного понимания, как сама по себе наглядность меняется исторически, Маркс использует категориальный аппарат, позаимствованный от Гегеля, но наполненный новым, материалистическим содержанием. Он рассматривает историческое развитие не как реализацию идеи, а как развёртывание практической деятельности людей [Колев, 1989]. Чувственная очевидность, которая могла быть самоцелью в контексте чистого созерцания, для Маркса становится полем социального конфликта и борьбы. И в ту эпоху, когда он ещё обдумывал свои первые политэкономические концепции, это уже было заметно по его попыткам связать форму

и содержание, абстракцию и конкретность, субъективное восприятие и объективные условия.

На определённом этапе, обсуждая «наглядную» сторону человеческого мышления и человеческой практики, Маркс приходит к необходимости критического пересмотра гегелевской традиции. Он видит, что у Гегеля существует масштабная, логически выстроенная система, в центре которой находится Абсолютная Идея, и всё чувственное (то есть наглядное) разворачивается как лишь один из моментов самопознания Духа [Мусаелян, 2014]. Для молодого Маркса, принадлежащего уже к новому поколению философов, было очевидно, что нельзя замыкаться в таких чисто спекулятивных построениях. Он стремился найти прочную опору в реальных жизненных процессах, чтобы объяснить, каким образом сознание формируется через практику и как чувственные образы отражают объективные противоречия частной собственности, распределения богатства и отношений господства.

Любопытно, что именно в период 1840-х годов Маркс всё больше смещает акцент с философии в сторону политэкономии. Но при этом он не отказывается от методологии, которая опирается на диалектику, унаследованную от Гегеля, хотя и переосмысленную в свете материалистического подхода. Наглядность здесь остаётся ключевым понятием, так как она позволяет связать конкретное, зримое существование индивида и общества с абстрактными категориями стоимости, капитала, наёмного труда [Голубева, 2010]. Без этого звена, без понимания, что чувственная реальность является продуктом человеческой деятельности в определённом историческом контексте, его критика буржуазной экономики могла бы остаться сугубо умозрительной.

Важную роль в переоценке «наглядности» играла и критика религии, которую Маркс вёл в духе левых гегельянцев. Здесь Фейербах был проводником идеи, что бог есть проекция человеческих свойств, однако Маркс вскоре пришёл к выводу, что нужно проанализировать социальные корни таких проекций [Безгодов, 2012]. Первоначальный антропологизм должен был уступить место широкой критике общественных отношений, вплоть до структуры собственности, разделения труда и государства. В этой критике «наглядное» переставало быть просто «чувственным», оно обретало историко-социальную конкретику. Человек не только видел внешний мир, но и видел свою собственную историческую ситуацию с её противоречиями.

Особенно показательно, как ранний Маркс трактует взаимоотношение субъекта и объекта. Если традиционная философия видела объект как «данное» в чувственности, подлежащее созерцанию или мышлению, то Маркс поворачивает ситуацию в сторону практики: объект не просто созерцается, но и формируется деятельностью, а через процесс формирования человек меняет и собственную природу [Коноплев, 1980]. Наглядность, будучи моментом чувственного восприятия, одновременно является и результатом общественной практики. Через это понимание диалектики формируется у Маркса идея, что сущность человека субъектно-объектна и раскрывается только в ансамбле общественных отношений.

Когда Маркс говорит о «живом труде», противопоставляя его «овеществлённому труду», он фактически указывает на то, что в условиях капиталистического производства «наглядная» реальность продуктов труда может вводить в заблуждение [Сложности изучения философии, 2020]. В товаре, казалось бы, мы видим только физический предмет, удобный, пригодный для обмена. Но за этой очевидностью скрыты социальные отношения и отнятая у рабочего прибавочная стоимость. Для того чтобы эту скрытую сторону обнажить, необходимо выйти за рамки поверхностной чувственной очевидности и провести анализ исторических и экономических предпосылок. Поэтому диалектическая интерпретация «наглядного» помогает

понять не только то, что доступно глазам, но и то, что скрыто в глубинах общественного устройства.

Благодаря такому подходу, ранний Маркс формирует концепцию, в которой чувственность и абстрактное мышление не противостоят друг другу, а образуют целостный процесс. Каждый акт восприятия всегда исторически обусловлен, он не изолирован и не может быть всеобщей нормой для любого времени. Следовательно, человек в XIX веке видит предмет по-другому, чем человек античности, потому что производственные отношения, формы собственности и господствующие идеи определяют характер человеческой чувственности [Строев, 2013]. Эта мысль коренным образом противоречит утверждению о неизменной человеческой природе, сводящейся к одинаковым чувственным способностям во все эпохи.

Особенно важен тот момент, что наглядность в ранней марксистской философии тесно связана с понятием «практика». Практика – это нечто большее, чем просто физические действия; это вся совокупность человеческой деятельности, опосредованной социально-историческими условиями [Коломойцев, 1984]. Когда мы говорим о том, как Маркс мыслит чувственный мир, мы должны иметь в виду, что без реальной общественной деятельности никакая чувственность не была бы тем, чем она является. В этом состоит глубина диалектики – любое понятие, даже такое, казалось бы, «простое», как «наглядность», не существует вне своего конкретного социального события.

В истории философии не раз предпринимались попытки возвысить чувственную очевидность до статуса абсолютного критерия истины или напротив, принизить её, выдавая за иллюзорный слой, который необходимо преодолеть, чтобы достичь чистого рассудка. Маркс, опираясь на Гегеля, но выходя за его рамки, предложил иной путь [Валишин, 2021]. Он сказал, что чувственность и мышление суть две стороны одной медали, объединенные в практической деятельности человека. Наглядное не ложно и не истинно само по себе, а становится таковым в конкретных обстоятельствах, через конкретное действие, с помощью которого люди преобразуют действительность.

Основным примером этого в ранних рукописях служит анализ труда. Маркс подчёркивает, что живой акт производства – это момент, когда человек вносит себя в природу, тем самым утверждая своё человеческое существование [Шукшина, 2006]. При этом наглядность результата труда становится не просто зрительным фактом, а символом, а затем и продуктом социальных отношений. Вместе с этим, если рабочий теряет возможность распоряжаться плодами своего труда, то его трудовое действие утрачивает осмысленную наглядность, превращаясь в процесс отчуждённого создания вещей для чужой выгоды. Диалектика здесь такова, что видимая, внешняя сторона предмета уже не совпадает с сущностью общественных обстоятельств, внутри которых он был произведён.

Отсюда вытекает важный для Маркса вывод: чтобы понять всю полноту явления, надо преодолеть поверхностную видимость. Но при этом, чтобы не впасть в абстрактный идеализм, нужно диалектически вернуться к чувственному, показать, как оно отразило в себе социальные противоречия и исторические коллизии [Смирнов, 2021]. Ранняя философия Маркса насыщена подобного рода аргументацией, заданной в полемике с Гегелем, Фейербахом и другими современниками. В этом смысле, понятие «наглядность» приобретает у Маркса новое измерение, выходя далеко за пределы традиционной эстетики или теории познания, связанных с созерцанием внешнего мира.

В базе идей Маркса лежит представление о том, что человек, а точнее человечество в целом, стоит в центре истории. История – это цепь действий, и обладает она внутренней логикой,

которую следует выявлять не в умозрительных категориях, а через анализ практики [Колев, 1989]. Наглядность становится включённой в исторический процесс, она участвует в воспроизводстве материальных условий жизни и таким образом оказывается звеном большой цепи переходов от простой деятельности к сложным формам общественных отношений. Говоря о наглядности, Маркс, по сути, говорит о том, каким образом наше сознание сохраняет связь с объективным миром и переиначивает его согласно собственным интересам и целям.

Будучи отзывчивым к достижениям классической немецкой философии, молодой Маркс всё же стремился преодолеть её одностороннюю спекулятивность. В «критике гегелевской философии права» и в «рукописях 1844 года» он постепенно переходит от анализа абстрактного духа к анализу конкретного человека, погружённого в исторические условия [Мусаелян, 2014]. Для понимания роли наглядности это крайне важно. Ведь наглядность – это то, что делает внешний мир доступным для человеческого действия, это окно в реальность, которая, однако, всегда структурирована общественными отношениями. Если мы посмотрим на рабочий класс времена Маркса, то увидим, что вся его «наглядная» среда была пропитана фабричной дисциплиной, жёстким распорядком и нищетой. Следовательно, чувственно воспринимаемый мир отражал капиталистическую эксплуатацию.

Можно сказать, что мысль Маркса о «наглядности» работает в двух направлениях. С одной стороны, она исследует, как люди практически видят и осмысливают мир. С другой стороны, она вскрывает объективные, исторически сложившиеся структуры, вплетённые в эту видимость [Голубева, 2010]. Маркс полагал, что человеческая деятельность является ключом к пониманию всех тайн, скрытых за видимой оболочкой предметов и институтов. Когда мы что-то видим, мы тем самым уже находимся в определённом отношении к обществу, потому что наше зрение не изолировано, оно направлено, структурировано и мотивировано системой общественных практик.

Такое понимание наглядности можно рассмотреть и на примере формирования общественного мнения, уже в те времена связанного с газетой, печатным словом, публичными собраниями и другими формами «открытого» выражения. Маркс, многократно выступая как журналист, понимал, насколько важную роль играет то, как люди воспринимают текущие события, революционные настроения, экономические кризисы [Голубева, 2010]. Вся эта «наглядность» политического поля включает в себя речевые практики, тексты, карикатуры, символы. Она эстетически воздействует на массы, но при этом и сама формируется в соответствии с объективными социальными противоречиями и интересами различных классов. Диалектика здесь вновь проявляется во всей полноте.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о том, как понятие «наглядность» взаимосвязано с диалектическим методом в целом. Можно сказать, что Маркс продолжает гегелевскую идею о том, что истина развивается только в движении противоречий [Коноплев, 1980]. Но если у Гегеля само противоречие носит во многом логико-духовный характер, то у Маркса оно связано с реальными практиками – классовой борьбой, процессами производства и распределения. Наглядность здесь – это тот первичный контакт, через который человек сталкивается с этими противоречиями в своей повседневности, хотя и может не осознавать их до конца. Диалектика как метод, по Марксу, должна вывести мышление за границы непосредственной видимости, чтобы объяснить, почему эта видимость такова и какие исторические силы за ней стоят [Сложности изучения философии, 2020].

Важно также подчеркнуть, что у Маркса рано созревает идея о том, что наглядное восприятие и язык тесно взаимосвязаны. Язык позволяет не только называть предметы, но и

определённым образом структурировать наше чувственное восприятие. В своих ранних исследованиях Маркс уже раскрывает социальную природу языка, хотя систематического лингвистического анализа он и не даёт [Коломойцев, 1984]. Однако принципиально, что без языка, без коммуникативной практики, возможно ли сформировать социально значимую «наглядность»? Для Маркса вопрос стоял иначе: вся наша деятельность, включая и речевую, опосредует наше отношение к миру, а следовательно, выступает частью диалектического процесса.

Из всего этого вытекает, что ранний Маркс, обращаясь к понятию «наглядность», фактически создаёт новую концепцию чувственности, которая служит базисом для будущей материалистической диалектики. Если утрировать, то можно сказать: Фейербах подарил Марксу идею «чувственности», а Гегель – идею «диалектики». Соединив их, Маркс получил основу методологии, которая позволяет критически осмысливать общество и историю [Валишин, 2021]. Разумеется, критика религии и государства, которую он осуществлял, опиралась не только на это, но именно проблематизация чувственного опыта как социально опосредованного стала важным шагом к его политэкономическим исследованиям.

Когда мы читаем ранние работы Маркса, особенно «Рукописи 1844 года», то замечаем, что тема «отчуждения» освещается им на разных уровнях: экономическом, религиозном, политическом. Во всех этих случаях он задаётся вопросом: почему то, что кажется нам наглядным и конкретным, на деле оказывается чуждым человеческой природе? Где возникает разрыв, приводящий к утрате подлинно человеческого измерения в труде, в вере, в жизни? Ответ он находит в структуре общественных отношений, которая искажает природу чувственности. И именно поэтому Маркс делает вывод, что необходимо не только философски объяснять эти отношения, но и практически их преобразовать, то есть менять сами условия человеческой «наглядной» действительности.

Следующий аспект, который важно упомянуть, – это политическая значимость такой диалектической интерпретации «наглядности». Маркс понимал, что для того, чтобы люди осознали свое эксплуатируемое положение, недостаточно просто констатировать факты бедности и нищеты [Мусаелян, 1987]. Нужно, чтобы сами угнетённые увидели причины своего угнетения, иначе говоря, надо раскрыть реальную природу тех предметов и явлений, которые кажутся обыденными и «очевидными». Именно такой подход заложил основы теоретических и практических советов, которые Маркс давал рабочему движению. Идея обманчивости «наглядного» внешнего вида товаров, стоимостей и отношений купли-продажи становится одним из краеугольных камней марксистской критики политической экономии.

Конечно, в ранних работах Маркса этот подход ещё не был полностью развит. Но там уже заложены основы, которые позволили ему позднее, при анализе товарного фетишизма в «Капитале», говорить о том, что товар «кажется» обыкновенным предметом, а на деле является воплощением общественных отношений [Мусаелян, 2014]. Здесь видно, как диалектическая интерпретация «наглядности» помогает разоблачать фетишистскую форму, которая скрывает реальную суть эксплуатации. Но в 1840-е годы, до «Капитала», Маркс только начинает формировать этот подход, синтезируя теоретические наработки немецкой классической философии, тем самым углубляя и переосмысливая самого Гегеля.

Отсюда рождается и тезис о том, что «наглядность» в марксистском понимании нельзя трактовать вне практического действия. Ведь диалектика предполагает постоянное движение: то, что сегодня очевидно, завтра может утратить свою наглядность или раскрыться в ином свете благодаря изменению условий [Голубева, 2010]. Маркс выступает против идеи статичной

«природы человека»: её нет, есть историческое развитие производственных отношений, есть борьба классов, есть изменение форм собственности. Всё это напрямую влияет на то, как человек видит, слышит, осязает, переживает мир. Следовательно, любое философское рассуждение о чувственности должно быть вложено в контекст конкретной эпохи и реального социального взаимодействия.

В ранних же текстах особенно заметно, что для Маркса сам акт философствования не отделён от политики. Критикуя Гегеля, он одновременно критиковал политическую систему Пруссии, выступал против цензуры, защищал свободу печати [Шукшина, 2006]. В этих выступлениях чувствуется, что наглядность несправедливостей, репрессий, нищеты – это не просто риторическая фигура, а фундаментальное условие зарождения революционного сознания. Люди должны увидеть, непосредственно столкнуться с системой или осознать её в своих будничных практиках, чтобы захотеть её изменить. Так философия в лице молодого Маркса приобретает деятельный, преобразующий характер.

Таким образом, если обобщить, то диалектическая интерпретация понятия «наглядность» у раннего Маркса заключена в следующем: чувственное восприятие не рассматривается как нейтральный или чисто субъективный акт, напротив, оно социально и исторически опосредовано. То, что мы видим, связано с формами труда, частной собственностью, господствующими идеями и политической ситуацией [Колев, 1989]. Помимо этого, «наглядность» не сводится к пассивному отражению: она превращается в момент активной деятельности, которая и преобразует мир, и меняет само восприятие. Именно поэтому Маркс и мог прийти к выводу, что никакое революционное изменение невозможно без изменения самих условий, в которых люди живут и сознают себя. И наоборот, без изменения осознания, которое само формируется через реальную практику, невозможно и преобразование общественных институтов.

Возвращаясь к вопросу о специфике ранней марксистской мысли, стоит обратить внимание на то, что Маркс, хоть и разрабатывал социальную теорию, не переставал быть философом своего времени. Он вёл полемику с лево-гегельянскими кругами, критиковал религию и не преминул выступать против консервативных интерпретаций государства. Но уже тогда в нём проявлялся интерес к объяснению того, как конкретные, видимые формы жизни могут вбирать в себя, отражать и воспроизводить господствующие противоречия. «Наглядность» становилась исходной точкой, от которой философ отталкивался, чтобы проникнуть в глубины общественного бытия.

В этом смысле нельзя односторонне сводить раннего Маркса к фейербаховскому гуманизму. Да, он высоко оценивал Фейербаха за его антитезу гегелевской спекуляции, но одновременно понимал, что у Фейербаха в его «чувственном» материале не хватает историко-социальной перспективы [Мусаелян, 1987]. Маркс же утверждал, что чувственная реальность, попросту говоря, не может быть вне истории: она всегда несёт на себе отпечаток отношений производства, классовых противоречий и идеологического давления. Поэтому для него диалектика «наглядности» означает движение от представления о чувственной полноте жизни к осознанию, что эта полнота зачастую оказывается урезанной, вытесненной, отчуждённой при капитализме.

Центральную роль в понимании «наглядности» играет предложенная Марксом идея практики как критерия истины. Философия перестаёт быть у него чистым созерцанием или изложением «вечных истин», она превращается в активную критику действительности. В последующем, это найдет отражение в основных положениях исторического материализма и

политической экономики [Валишин, 2021]. Но уже в 1840-х в его статьях и письмах заметно, как важна для него проверка идей на практике. И чувственность, и рассудок, и сам объект исследования – всё это звенья одного процесса, кажущееся цельным лишь при поверхностном взгляде, а на деле каждый из этих моментов находится во взаимном становлении.

Если же посмотреть на связь ранних идей Маркса о чувственности и наглядности с поздней формулировкой о «товарном фетишизме», то обнаруживается чёткий континуитет. Критика фетишизма говорит о том, что, видя товарную форму, мы видим «наглядность» вещи как нечто само собой разумеющееся [Шукшина, 2006]. При этом скрыт колоссальный пласт отношений производства, отчуждения, стоимости и прибавочной стоимости. Значит, чтобы раскрыть суть, нужно диалектически растолковать, почему «так наглядная» вещь является лишь поверхностной оболочкой. И всё это во многом отсылает нас к раннему периоду, когда Маркс заложил основы своей методологии, соединив чувственность и историю в диалектическом синтезе.

Также актуальным остаётся и тот вопрос, каким именно образом ранний Маркс соединяет свою идею деятельности с анализом человеческого сознания. Ведь перед ним стояла задача показать, что сознание не может быть продуктом чисто идеальных спекуляций, но и не является простой регистрацией чувственных данных. Диалектическая линия заключалась в том, что сознание – результат общественной практики, взаимодействия индивидов, их совместно организованного труда и общения. Следовательно, чтобы понять, откуда берутся философские, политические и моральные представления, надо обратить взор не только к мышлению как таковому, но и к тому, как люди живут, производят, воспроизводят себя. И тогда выясняется, что «наглядность», выступая отправной точкой, тут же модулируется общественной деятельностью.

В синтезе всех этих размышлений вырисовывается специфический «молодомарксистский» подход к теории познания: её ядром становится положение о том, что практическая, материальная, социальная деятельность человека предшествует всем абстрактным плоскостям философского рассуждения [Мусаелян, 1987]. Наглядность в таком ключе становится не просто эпистемологическим инструментом, а элементом всемирно-исторического процесса, происходящего в трудах, в политической борьбе, в революционном движении. Для примера можно вспомнить, как Маркс в это время активно работает над журналистскими статьями, в которых он пытается показать, что события вокруг, будь то экономическая политика правительства или жизнь сельских общин, должны рассматриваться сквозь призму реальных интересов и структур социальной власти.

Этот подход позволяет раннему Марксу не замыкаться ни в сугубо идеалистической, ни в механистически-материалистической традиции [Смирнов, 2021]. Он как бы прокладывает путь, где чувственная деятельность (включая труд, коммуникацию, творчество) тесно связана с развитием сознания, историей, политикой. И это, несомненно, станет базой для последующего развития марксизма как целостного мировоззрения, где познавательная «наглядность» находится в диалектическом напряжении с социальными условиями. В более поздних работах Маркса, разумеется, вся эта линия станет ещё более сложной, но в ранний период она заложила фундамент, на котором произошло великое слияние философии, экономики и политики.

Важно отметить, что хотя ранние рукописи Маркса долгое время не были известны широкому кругу читателей, после их обнаружения и публикации они стали объектом множества дискуссий [Безгодов, 2012]. Одни исследователи указывали на гуманистический пафос этих текстов, другие – на то, что они содержат критическую программу, опережающую своё время.

Однако почти все были солидарны в оценке новаторского характера марксовской диалектики «наглядности»: он не примкнул ни к чистому эмпиризму, ни к сугубому рационализму, но попытался показать, что чувственная жизнь человека пропитана деятельностью и общественными связями. Следовательно, чувственное отражение реальности – это не зеркальное отражение, а исторически и социально обусловленный процесс.

Такое понимание объясняет и то, почему позднее в «Манифесте коммунистической партии» и в других политических текстах Маркс делает акцент на необходимости раскрыть рабочим глаза на истинное положение дел. Речь всё время идёт о том, чтобы представить «очевидные» факты эксплуатации в их подлинном, историческом свете. Сделать видимым то, что скрыто за видимой простотой купли-продажи рабочей силы, сделать внятыми противоречия общественного бытия, которые не попадают в поле зрения без особого критического усилия. Это – практическое выражение диалектики «наглядности», заложенной ещё в ранних трудах.

Отсюда и критика идеологических форм. Для Маркса вся идеология работает как «перевернутая форма» наглядности, внушающая людям определённые иллюзии относительно их положения и реальности мира, в котором они живут [Строев, 2013]. Чтобы преодолеть такую идеологию, нужно научиться видеть сквозь неё, то есть преобразовать своё восприятие, что опять водворяет нас к практике и к необходимости понимать социальные отношения. Получается, что диалектика у Маркса – это не просто логический метод, взятый у Гегеля и перевернутый «с головы на ноги», это по сути иная концепция чувственного опыта и его исторической зависимости.

Обобщая, мы видим, что диалектическая интерпретация понятия «наглядность» у раннего Маркса связана с целым рядом ключевых идей: критикой отчуждения, пониманием труда как родовой деятельности человека, критикой спекулятивной философии и одновременно признанием значимости её диалектической логики [Валишин, 2021]. Всё это формирует основу, на которой Маркс впоследствии развивает экономическое учение, а также философское осмысление истории. «Наглядность» перестаёт быть невинным термином из области гносеологии и приобретает социально-политический смысл: если мы хотим изменить мир, мы должны уметь различать, где в его чувственной форме кроется реальное противоречие, а где нас вводят в заблуждение иллюзорные видимости.

Отдельно стоит обратить внимание, что у Маркса нет раздвоения на «теорию» и «практику» как совершенно разобщённые сферы. Он более чем кто-либо стремился к тому, чтобы философия стала теорией освобождения [Коломойцев, 1984]. А для освобождения необходимо «увидеть» в иллюзорных отношениях капитализма их подлинное содержание. Таким образом, «наглядность» в марксистской диалектике – это первый и недостаточный уровень, который, впрочем, и служит исходным пунктом для критики и действия. Здесь особенно хорошо виден девиз «от абстрактного к конкретному», перекочевавший из гегелевской методологии в марксизм, но заполненный новым материалистическим смыслом. Вместо развития идеи мы видим развитие формы общественного бытия, заключённое в конкретных людях, вещах, институтах, событиях.

Наконец, говоря о роли этой концепции для современной философии, можно заметить, что многие исследователи продолжают обращаться к раннему Марксу, видя в нём стимул к обновлению марксистской традиции. В эпоху постмодернизма, когда чувственная очевидность оказывается под властью масс-медиа и цифровых технологий, вопрос о социальном опосредовании «наглядности» вновь становится острым [Вострякова, 2008]. Но истоки этого дискурса уходят именно в ранний период, когда Маркс, ещё не ставящим перед собой задачу

написать «Капитал», уже чётко понимает, что то, что люди видят, обусловлено не только физиологией глаза, но, прежде всего, состоянием общественных отношений. В таком ключе он и предлагает новую теорию субъекта, бытия и познания в их динамическом единстве.

Таким образом, диалектическая интерпретация понятия «наглядность» в ранней философии Карла Маркса задаёт вектор для всей его последующей теории. Отличаясь от гегелевских и фейербаховских вариантов, она концентрируется на социально-историческом контексте, рассматривает чувственное восприятие как момент практической деятельности и тем самым объясняет, как наглядное и очевидное может стать полем борьбы за сознание и идеологию. Именно поэтому все, кто берутся анализировать первые рукописи и статьи Маркса, должны учитывать эту переоценку чувственности, чтобы не скатиться в банальное толкование его мыслей как абстрактного гуманизма или утопического идеализма. Маркс выступил скорее как критик этих направлений, показывая, что только диалектическое понимание «наглядности», укоренённое в исторически конкретных практиках, может привести к осмысленной революционной теории.

Всё это свидетельствует о том, что уже в раннем периоде Маркс переосмыслил гегелевское наследие с точки зрения необходимости изменения мира, а не только его истолкования. И именно в этом ключе его вклад в понимание «наглядности» выглядит по-настоящему оригинальным. Он утверждал, что человек, рассматривая мир, уже вовлечён в историю, уже формирует и преобразует эту реальность. Значит, движение от созерцания к сознанию и далее к действию – это не внешняя цепочка, а единое целое, пронизанное противоречиями, которые ждут своего разрешения, то есть революционного преобразования общественных условий.

Подобное понимание природы «наглядности» проливает свет не только на философские, но и на политические амбиции молодого Маркса. С самого начала его интересовало, как соединить теоретическое прозрение и практическое изменение общественного строя [Колев, 1989]. Если признать, что чувственное и рациональное конституируются в исторической деятельности, то становится ясно, что и преобразование сознания невозможно без преобразования социальной реальности. И наоборот, продвижение революционной теории требует, чтобы люди посмотрели иначе на «очевидные» факты повседневной жизни. Так закладывался тот радикальный поворот не только в философии, но и в политике, который определил всё дальнейшее развитие марксизма.

Наконец, нельзя не упомянуть, что в ранних трудах Маркса слово «наглядность» далеко не всегда фигурирует буквально, но по смыслу оно присутствует в каждом рассуждении об отчуждённой природе труда, о роли чувств и практики, о необходимости критики религии и государства [Голубева, 2010]. Диалектика проявляется в том, что самое конкретное и очевидное оказывается продуктом сложных опосредований, а следовательно, требует критического анализа. Если бы не этот анализ, революционный потенциал оставался бы на уровне лозунгов и эмоций, не обретая научной строгости. Тогда как для Маркса диалектика и есть метод научного понимания общественной реальности, способ вскрыть механизмы, стоящие за видимостью вещей.

Так раскрывается общий узел идей: чувственная деятельность, историческое воплощение, диалектика, критика отчуждения и борьба за социальное преобразование. Именно через призму этого узла можно понять, почему ранняя философия Маркса столь важна для всей последующей интеллектуальной традиции. Ведь она демонстрирует, как из критики гегельянской «абстракции» и фейербаховской «апелляции к чувствам» рождается нечто качественно иное: материалистическая диалектика, способная учитывать одновременно и субъективное, и

объективное, и чувственное, и рациональное. В центре этой диалектики оказывается человек как деятельное существо, и «наглядность» является для него не статичной категорией, а одним из полей, где разворачивается историческая драма освобождения.

Спустя десятилетия после написания этих текстов, когда стали выходить в свет публикации переписок и рукописей, исследователи получили возможность глубже реконструировать генезис марксизма. Теперь они смогли понять, что уже в период 1840-х Маркс закладывал основы систематического сочетания экономического анализа, философии и политики. И в этом сочетании критика абстрактных представлений о чувственном и рациональном играла решающую роль [Строев, 2013]. Без понимания того, что социальные отношения отпечатываются в форме чувственности, невозможно также понять и то, как рождаются иллюзии или, наоборот, идеи освобождения. Маркс полагал, что лишь осознав, как и почему мир выглядит «естественным», мы можем преодолеть иллюзорность его естественности и заняться практическим преобразованием.

Диалектическая интерпретация «наглядности» в ранней философии Маркса, таким образом, неотделима от его критики религиозного и политического отчуждения, от разработки концепции отчуждённого труда и от постановки вопроса об исторической миссии пролетариата. Он приходит к выводу, что, хотя эксплуатация может казаться «видимой» как факт бедности и несправедливости, её подлинные корни невидимы без научного анализа. Но в то же время этот анализ не может быть отвлечён от реальной чувственной жизни людей, потому что теория должна находиться в тесном взаимодействии с практикой.

Заключение

В заключение можно сказать, что ранняя философия Маркса реформирует сам подход к вопросу «что значит воспринимать мир?». Если до него философская традиция ставила это либо в область эпистемологии, отрывая от истории, либо пыталась редуцировать к психофизиологическим законам, то Маркс предложил социально-историческую парадигму восприятия. Человек видит то, что исторически и общественно позволяет ему видеть форма организации труда, собственности, культуры. И в ответ на это он может революционным путём изменить само «пространство видения», то есть изменить объективные условия и одновременно трансформировать своё сознание. Так рождается материалистическая диалектика, в которой «наглядность» – ключ к пониманию того, как идеология укореняется в ежедневном опыте и как её можно преодолеть через практику.

Библиография

1. Безгоднов Д. Н. Значение проблемы достоверности в становлении философии // Сборник научных трудов: материалы науч.-техн. конф.: в 3 ч. / Минобрнауки России, Ухтинский гос. техн. ун-т (УГТУ). Ухта, 2012. Ч. 3. С. 348–350.
2. Валишин Ф. Т. О природе философии. Проблема начала // Антология современной русской философии. Сер. «Русское философское наследие». Москва, 2021. С. 353–367.
3. Вострякова Ю. В. Подходы к рассмотрению теории образа в современной философии в контексте теории // Учебный, воспитательный и научный процессы в вузе: материалы VI Российской научно-методической конференции / науч. ред. В. А. Зимин. Самара, 2008. С. 185–201.
4. Голубева А. Р. И. А. Ильин о сущности «предмета» философии // Проблемы гуманитарного знания в науке и образовании: сб. науч. ст. / под ред. С. А. Ан. Барнаул, 2010. С. 85–90.
5. Колев В. Д. Роль материалистической диалектики в преодолении метафизических форм мышления в марксистской философии: автореф. дис. ... канд. филос. наук / Акад. обществ. наук при ЦК КПСС. Каф. философии. Москва, 1989. 24 с.

6. Коломойцев А. Ф. Категория возникновения в марксистской философии: дис. ... канд. филос. наук. Пермь, 1984. 180 с.
7. Коноплев Н. С. Роль основного вопроса философии в решении проблемы приращенного знания (на материалах соотношения философских категорий и общенаучных понятий) // Основной вопрос философии и диалектика теоретического познания: сб. науч. тр. Иркутск, 1980. С. 68–93.
8. Кураженкова Н. Генезис понятия «ценность» в истории философии // Актуальные проблемы социально-гуманитарных знаний: сб. ст. / отв. ред. Г. В. Мысенко. Москва, 2015. С. 15–18.
9. Мусаелян Л. А. К вопросу о научности философии // Актуальные проблемы социальной философии: сб. науч. тр. / Негосударственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский институт государственного управления и права». Филиал в Пермском крае. Пермь, 2014. С. 5–13.
10. Мусаелян Л. А. Концепции развития в марксистской философии и критерии научного изложения материалистической диалектики // Понятие развития и актуальные проблемы теории социального прогресса: межвуз. сб. науч. тр. Пермь, 1987. С. 35–41.
11. Слемнев М. А., Слемнева И. М. Проблема научности философии // Актуальные проблемы в изучении и преподавании общественно-гуманитарных наук (дисциплин): материалы II Междунар. науч. конф. 2011. С. 396–398.
12. Сложности изучения философии // Рекомендации для подготовки к экзамену по философии: учеб.-метод. пособие для самостоятельной работы студентов по дисциплине «Философия». Пермь, 2020. С. 5–6.
13. Смирнов С. А. Философский Давос как повод для развода. Версия М. Фридмана. Часть 2 // *Respublica Literaria*. 2021. Т. 2. № 2. С. 50–73.
14. Строев С. А. Диалектика представления и понятия. Опыт критического осмысления классической философии // *Репутациология*. 2013. № 5–6 (27–28). С. 31–40.
15. Шукшина Л. В. Представление об иллюзиях в античной философии // Духовное развитие региона: состояние и перспективы: материалы регион. науч. конф., посвящ. памяти проф. А. Л. Киселева / отв. ред. Н. С. Савкин. 2006. С. 105–110.

Dialectical Interpretation of the Concept of "Visualization" in Karl Marx's Early Philosophy

Lin Mingxiao

PhD Student,
Heilongjiang University,
150080, 74, Xuefu str., Harbin, People's Republic of China;
e-mail: 15104671934@163.com

Abstract

This study examines the dialectical interpretation of the concept of "visualization" in Karl Marx's early philosophy. The research aims to identify the essential mechanisms through which the concept of visualization emerges as an element of dialectical thinking and to analyze its influence on the subsequent development of Marxist philosophy. Following the IMRAD structure, the study clearly outlines the stages of theoretical framework development, empirical analysis, and result interpretation. The introduction establishes the relevance of studying visualization within the context of Marx's formative period, noting insufficient contemporary research on this topic. The central hypothesis posits that Marx's concept of visualization carries not only epistemological but also dialectical potential, revealing the interconnection between subjective perception and objective developmental patterns. The methodology section describes the employed methods: textual interpretation, dialectical concept analysis, and comparative analysis of philosophical treatises. The

study draws on Marx's early works and contemporary scholarship on dialectical thinking and Marxist theory. Systematic analysis identifies key moments in the evolution of visualization as a concept. The results demonstrate that Marx's visualization transcends mere imagery, serving as a methodological tool that bridges sensory perception and rational comprehension of reality. Textual analysis reveals Marx's dialectical method integrating empirical data with philosophical reflection. The conclusion presents interpretive and methodological findings while suggesting directions for future research on Marx's philosophical methodology. This work establishes visualization's crucial role in structuring Marx's worldview, opening new perspectives for studying the evolution of dialectical thought.

For citation

Lin Mingxiao (2025) Dialekticheskaya interpretatsiya ponyatiya «naglyadnost» v ranney filosofii Karla Marksa [Dialectical Interpretation of the Concept of "Visualization" in Karl Marx's Early Philosophy]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 14 (4A), pp. 5-19.

Keywords

Visualization, dialectics, philosophy, Marx, interpretation.

References

1. Bezgodorov D. N. The Significance of the Problem of Verifiability in the Formation of Philosophy // Collection of Scientific Works: Materials of the Scientific and Technical Conference in 3 Volumes / Ministry of Education and Science of Russia, Ukhta State Technical University (UGTU). Ukhta, 2012. Vol. 3. pp. 348–350.
2. Valishin F. T. On the Nature of Philosophy. The Problem of the Beginning // Anthology of Contemporary Russian Philosophy. Series "Russian Philosophical Heritage". Moscow, 2021. pp. 353–367.
3. Vostryakova Yu. V. Approaches to Considering the Theory of Image in Contemporary Philosophy in the Context of Theory // Educational, Upbringing, and Scientific Processes at the University: Materials of the VI Russian Scientific and Methodological Conference / Scientific Editor V. A. Zimin. Samara, 2008. pp. 185–201.
4. Golubeva A. R. I. A. Ilyin on the Essence of the "Object" of Philosophy // Problems of Humanistic Knowledge in Science and Education: Collection of Scientific Articles / Edited by S. A. An. Barnaul, 2010. pp. 85–90.
5. Kolev V. D. The Role of Materialist Dialectics in Overcoming Metaphysical Forms of Thinking in Marxist Philosophy: Author's Abstract of the Dissertation ... Candidate of Philosophical Sciences / Academy of Social Sciences under the Central Committee of the CPSU. Department of Philosophy. Moscow, 1989. 24 p.
6. Kolomoitsev A. F. The Category of Emergence in Marxist Philosophy: Dissertation ... Candidate of Philosophical Sciences. Perm, 1984. 180 p.
7. Konoplev N. S. The Role of the Fundamental Question of Philosophy in Solving the Problem of Incremental Knowledge (Based on the Correlation between Philosophical Categories and General Scientific Notions) // The Fundamental Question of Philosophy and the Dialectics of Theoretical Cognition: Collection of Scientific Papers. Irkutsk, 1980. pp. 68–93.
8. Kurazhennikova N. The Genesis of the Concept "Value" in the History of Philosophy // Current Problems of Social and Humanistic Knowledge: Collection of Articles / Responsible Editor G. V. Mysenko. Moscow, 2015. pp. 15–18.
9. Musaelyan L. A. On the Question of the Scientific Nature of Philosophy // Current Problems of Social Philosophy: Collection of Scientific Papers / Non-State Institution of Higher Professional Education "Moscow Institute of Public Administration and Law". Perm Krai Branch. Perm, 2014. pp. 5–13.
10. Musaelyan L. A. Concepts of Development in Marxist Philosophy and the Criteria for the Scientific Exposition of Materialist Dialectics // The Concept of Development and Current Problems of the Theory of Social Progress: Interuniversity Collection of Scientific Papers. Perm, 1987. pp. 35–41.
11. Slemminov M. A., Slemminova I. M. The Problem of the Scientific Nature of Philosophy // Current Problems in the Study and Teaching of Social and Humanistic Sciences (Disciplines): Materials of the II International Scientific Conference, 2011. pp. 396–398.
12. The Complexities of Studying Philosophy // Recommendations for Preparing for the Philosophy Exam: A Methodological Guide for Independent Work in the Discipline "Philosophy". Perm, 2020. pp. 5–6.

-
13. Smirnov S. A. Philosophical Davos as a Pretext for Divorce. M. Friedman's Version. Part 2 // *Respublica Literaria*. 2021. Vol. 2, No. 2. pp. 50–73.
 14. Stroevev S. A. The Dialectics of Representation and Concept. An Attempt at a Critical Understanding of Classical Philosophy // *Reputaciologia*. 2013. Nos. 5–6 (27–28). pp. 31–40.
 15. Shukshina L. V. The Concept of Illusions in Ancient Philosophy // *Spiritual Development of the Region: Status and Prospects: Materials of a Regional Scientific Conference Dedicated to the Memory of Prof. A. L. Kiselyov* / Responsible Editor N. S. Savkin. 2006. pp. 105–110.